

Э. Е. Гусейнов

ЖИРОНДА и ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

**Актуальные проблемы изучения истории
Великой французской революции**

Материалы «круглого стола» 19-20 сентября 1988 г.
М., 1989. С.175-182.

Веб-публикация: Eleonore и редакторы сайтов Vive Liberta и Век Просвещения ©

Два факта вынуждают нас сегодня с пристальным вниманием обращаться к истории Великой Французской революции. С одной стороны, близящийся двухсотлетний юбилей этого грандиозного события, а с другой, общее обострение интереса к прошлому, ставшее характерным признаком общественной жизни в эпоху перестройки.

Анализируя современное состояние наших знаний о революции 1789-1799 годов, нельзя не признать очевидного факта: мы стоим у порога нового этапа в развитии отечественной историографии.

Огромный объем нового фактического материала, разработка новых концепций в зарубежной историографии, в том числе марксистской, а также фактическая неизученность существеннейших аспектов истории революции советскими исследователями требуют сегодня коренного пересмотра устаревших взглядов и подходов. Они не менялись в нашей науке десятилетиями. И в первую очередь это касается проблемы места и роли буржуазии в революции.

Партийно-политическое размежевание, сопровождающееся образованием политических партий и групп - естественная функция и форма реализация революционного процесса.

Без полного представления об этих явлениях невозможно осмыслить, определить логику развития социально-политических процессов в годы революции. Мы же на нынешнем этапе не можем похвастаться знанием буржуазных «партий» и группировок революционного времени, будь то жирондисты, фейяны или даже якобинцы.

Обращение к истории Жиронды - сугубо буржуазной политической группировки, - особенно к периоду ее генезиса, наглядно показывает необходимость существенного обновления - теоретического и методологического - устоявшихся взглядов и подходов.

Знание политических группировок подразумевает четкое представление о времени и этапах ее складывания, присущих ей формах организации, о ее структуре, составе, идеологии, характерных чертах ее политической практики, образе мышления и происхождении ее лидеров.

В настоящее время с полной уверенностью можно говорить о том, что временем генезиса Жиронды был период работы Законодательного собрания, то есть осень 1791 - лето 1792 г., а первые шаги по созданию этой группировки были сделаны весной - летом 1791 года. В ходе складывания группировки жирондистами были выработаны и приобрели устойчивый характер специфические формы организации. Это политические салоны, собрания и комитеты, выросшие из практики деятельности салонов эпохи Просвещения. Среди них определенную роль играли салон г-жи Ролан и так называемый «комитет Вандомской площади». Здесь принимались решения, выработывался политический курс, координировались совместные действия. В частности, борьба за овладение министерскими постами, подбор членов в первое министерство жирондистов (март-июнь 1792 г.), с весны 1792 г. - борьба против якобинцев.

В этот период отчетливо определилась и основная целевая установка политической практики Жиронды, вокруг реализации которой с осени 1791 года проходило сплочение группы. Эта цель - борьба за политическое доминирование, за овладение рычагами власти, апогеем которой и явилось формирование и деятельность первого министерства жирондистов.

Наблюдение за организационной практикой Жиронды позволяет по-новому взглянуть на состав и структуру этой группы. Именно круг посетителей названных салонов и собраний составлял то ядро Жиронды, которое определяло ее политический курс и идеологию. Сама структура группы предстает отнюдь не внутренне единой, состоящей из строго определенного числа депутатов Законодательного собрания (или Конвента), как считалось до недавнего времени. Структура была «слоистой», состояла из крепко спаянного в рамках собраний ядра единомышленников и примыкавших к нему маргинальных групп. Среди последних были журналисты, члены якобинского клуба, депутаты, просто мелкие политиканы, лишь в той или иной степени разделявшие тактику и идеи жирондистов. Самими же жирондистами, членами ядра, было выработано достаточно отчетливое представление о себе, как об особой группе, борющейся за реализацию собственных политических целей.

Даже эти достаточно бегло перечисленные факты вынуждают задуматься об их соотношении с утвердившимися в нашей истории представлениями о Жиронде.

Ведь обычно споры о том, являлась ли Жиронда политической партией сводились к безуспешным попыткам соотнести опыт ее деятельности с традициями буржуазных партий конца XIX - нач. XX вв. Метод изначально порочный, ибо он не учитывал ни исторической специфики политической жизни буржуазной Франции, ни особенностей революционного времени, ни многообразия форм, в которых вообще может реализовываться политическая практика буржуазии. Между тем Жиронда адекватно укладывается в критерии понятия «идейно-политическая общность». Оно выработано современной политологической литературой; под ним понимается любая форма политической организации (движение, группировка, общество, партия), выполняющая функции политической партии, то есть представительства определенных социальных интересов в сфере политической борьбы.

Специфические формы организации (салоны, собрания), «парижский» характер группировки жирондистов, весьма слабо связанной со сторонниками на местах, не имеющей развитой структуры в провинции - оказывается схожим с типичными чертами буржуазных политических организаций во Франции XIX-XX вв., как они вырисовываются в исследованиях современных политологов. Как и многие подобные организации, Жиронда не была порождена определенными социальными слоями для реализации их чаяний и устремлений. Вырастая из небольшого кружка политических единомышленников, она свободно «плавала» над кипящим социальным морем революционной эпохи, находя в нем базу для поддержки. Причем сама эта база претерпевала значительные изменения в период 1791-1792 гг. и особенно в 1793 году.

Больше того, перечисленные особенности организации и структуры соответствуют отмеченным классиками марксизма-ленинизма типичным проявлениям политической практики либеральной буржуазии, а также особенностями революционной эпохи, с ее непрекращающимися процессами политического размежевания, образования новых партий и групп, общей неопределенностью организационных форм, определяемых нестабильностью, незавершенностью социальных структур.

Таким образом, привлекая данные современной политологической, социологической, страноведческой литературы, сегодня мы вполне можем определить Жиронду как буржуазную идейно-политическую общность периода Великой французской революции, выполнявшую функции политической партии. Обнаруживая параллели с теми чертами политической жизни буржуазной Франции, которые станут в будущем традиционными, деятельность Жиронды может рассматриваться как составная часть исторического процесса складывания политического опыта, политической культуры и традиций французской буржуазии.

Одной из ключевых и до сих пор нерешенных проблем истории буржуазии в революции является вопрос об отождествлении явлений партийно-политической борьбы с расстановкой социальных сил. Иначе говоря, мы не можем определенно сказать, на какие слои общества на различных этапах своей деятельности опирались жирондисты, фейяны, якобинцы, кордельеры и так далее. Происходит это в первую очередь потому, что мы не имеем точного представления о численности, размещении, структуре, психологии, образе жизни, формах хозяйственной деятельности и идеологии французской буржуазии накануне и в ходе революции.

Другая причина - сам изначально некорректный метод подобного отождествления, попытка использовать совершенно абстрактные символы, такие как «средняя», «крупная», или «мелкая» буржуазия. Понятия эти ничего не объясняют и не могут объяснить, ибо совершенно не учитывают того многообразия имущественных, географических, исторических групп, из которых состояла французская буржуазия конца XVIII века. Поэтому, неотложная задача современной историографии - тщательное, основанное на архивных источниках и локальных исследованиях зарубежных авторов, воспроизведение социального «портрета» французской буржуазии последней четверти XVIII века, чего нет сегодня и без чего изучение революции, которую мы называем буржуазной, просто невозможно.

Вообще представляются затруднительными, а в методологическом отношении просто неверными любые попытки непосредственно увязать Жиронду (то же касается любой другой политической группировки революционной эпохи) с какой-то совершенно определенной, раз и навсегда данной социальной базой. Необходимо признать значительную автономию этих группировок, чья политика и идеология была достаточно опосредованно связана с устремлениями тех или иных социальных сил. У самих жирондистов просматривается определенный контур устойчивых представлений и ценностных ориентиров, который хотя и заставлял группу придерживаться в решающие моменты революции определенной политики, оставляли очень широкие возможности для маневра. Сегодняшний уровень позволяет с достаточной долей уверенности утверждать, что жирондисты в первую очередь отстаивали интересы новой, собственно капиталистической предпринимательской буржуазии, а в ключевые моменты столкновения с монтаньярами - и значительной части имущих слоев населения в целом. Интересно, что именно к этим слоям принадлежало большинство членов организационного ядра группы, хотя этот показатель и не является определяющим для выяснения социальной ориентации группы.

Перспективным направлением изучения истории Жиронды и политической истории буржуазии в годы революции является исследование проявления жирондистского феномена на местах, в провинции, выявление почти неизвестных связей Жиронды со своими сторонниками. Работа эта невозможна без тщательного анализа архивных источников.

Изучение социальной сущности политики и идеологии Жиронды приводит к ряду любопытных наблюдений, во многом ломающих устоявшиеся со времен Жореса стереотипные представления на этот счет. Оказывается, что жирондисты не были безоглядными сторонниками неограниченной свободы торговли. Именно жирондисты зимой 1791-1792 гг., в условиях острого экономического кризиса поставили вопрос о введении протекционистских мер для защиты национального предпринимательства. Тогда же идеологи Жиронды, в том числе Верньо и Бриссо, выступили против финансовых спекулянтов и скупщиков, подрывавших нормальные условия хозяйствования в стране.

Нуждается в уточнении и тезис о безусловном республиканизме жирондистов. Внимательное изучение выступлений лидеров группировки, в частности, Редерера, Кондорсе, Верньо, Бриссо, Гаде, в том числе в период Варенского кризиса, когда впервые со всей силой заявило о себе антимоноархическое движение, показывает, что политическим идеалом Жиронды в этот момент являлся режим максимально ограниченной конституционной монархии, а создание «чистой» республики представлялось жирондистам наименее желательным выходом из создавшегося кризиса. Весной-летом 1792 года, когда жирондисты превратились в правящую группировку, осуждение ими республиканских чаяний низов смыкается с попытками всеми средствами остановить развитие революционного процесса. Постепенная адаптация в сложившийся на основе Конституции 1791 г. режим политической конституционной монархии заставляла жирондистов бороться против любых попыток повалить этот режим, усиливая консервативно-охранительные элементы в политической позиции Жиронды.

Нуждается в уточнении и трактовка конфликта между Горой и Жирондой. В первую очередь следует перенести хронологические рамки этого столкновения. Его начало приходится уже на зиму 1791-1792 гг., ибо борьба по вопросу войны и мира и другим проблемам текущей политики уже тогда была отнюдь не противостоянием Бриссо и Робеспьера. Приняв форму затяжной дискуссии, длившейся вплоть до восстания 10 августа 1792 г., это столкновение с самого начала приняло форму противостояния двух разных политических группировок: уже вполне сформировавшейся Жиронды и постепенно складывавшейся в ходе конфликта Горы.

Интересно, что уже в ходе этой дискуссии весны-лета 1792 г. отчетливо определился отход жирондистов от Якобинского клуба, где постепенно брали верх будущие монтаньяры. Факты позволяют утверждать, что жирондисты с момента складывания своей группировки видели в Якобинском клубе лишь удобный инструмент для пропаганды своих идей и осуществления своих планов. Многие из лидеров Жиронды никогда не считали себя якобинцами. Не случайно, уже в июне 1792 г. якобинцы и жирондисты вынуждены были вести переговоры на «нейтральной» территории, сами жирондисты практически перестают к этому времени посещать клуб. Одновременно позиция будущих монтаньяров в это время не менее ожесточенна и враждебна по отношению к Жиронде, нежели в период Конвента.

Накопление новых фактов породило в последние годы интересные дискуссии в зарубежной историографии относительно природы конфликта между Горой и Жирондой. Думается, сегодня мы уже не можем всерьез считать контрреволюционной позицию Жиронды в столкновении с Горой. Видимо, в этом конфликте столкнулись разные концепции путей утверждения буржуазного порядка во Франции, крайнюю степень ожесточенности которому придал мощный, вышедший из-под контроля буржуазии натиск снизу а 1792-1794 годах. Социально-политические идеалы жирондистов, отражавших устремления достаточно широких имущих слоев населения, не шли дальше режима Конституции 1791 г., за сохранение и укрепление которого они боролись как с «правыми» (силы фейянского-монархического лагеря), так и с «крайне левыми» (как будущие монтаньяры, так и представители плебса). Гора была вынуждена и оказалась способной пойти в 1793-1794 гг. дальше.

В то же время сегодня становится особенно актуальным вопрос о поисках истоков и характеристик как элементов преемственности, общих черт в позиции жирондистов и монтаньяров, определявших их генетической связью с лагерем буржуазных политиков, с идеями Просвещения, так и факторов, определивших в конечном итоге их столкновение. Как и многие другие явления политической истории революции, жирондизм не прекратил своего существования в 1793-1794 годах. Возвращение уцелевших после террора 1793-1794 гг. жирондистов в Конвент в 1795 году, их активное участие в политической жизни страны периода Директории, Консульства и Империи позволяет рассматривать их как часть формировавшейся в период 1789-1815 гг. политической, идеологической и отчасти экономической элиты буржуазной Франции, во многом так и не примирившейся с реставрацией Бурбонов.

Понять и оценить роль жирондистского феномена в истории революции вряд ли возможно без точного и подробного знания других политических течений и групп, с которыми боролись или сотрудничали жирондисты. Как уже отмечалось выше, этого знания у нас сегодня нет, идет ли речь о фейянах, совершенно забытых отечественными историками, или о якобинцах, бывших, казалось бы, в течение 70 лет любимцами советской историографии. [А.Тырсенко. Фейяны] Однако сегодня статьи о якобинской диктатуре, биографические работы о Робеспьере, Марате, Дантоне или Сен-Жюсте, созданные десятилетия назад, как правило на основе исследований зарубежных авторов или имеющихся в отечественных библиотеках источников, не удовлетворяют современному уровню знаний. Сущность и особенности якобинизма, как специфического явления политики и идеологии, его истоки, распространение и опыт на местах, порожденные им социально-психологические и депгосрочные историко-культурные феномены - все это сегодня нуждается в изучении.

Решение всех, обозначенных выше проблем возможно на основе широкого привлечения разработок современной политологии, социологии, социальной психологии. Но в первую очередь должна быть обеспечена возможность для исследователей всех уровней работать во французских архивах, регулярно участвовать в международных форумах. Без этого ни о каком дальнейшем развитии советской историографии Великой французской революции, на наш взгляд, не может быть и речи.